

СЕРИЯ РОЗА ВЕТРОВ

АРКАДИЯ

Мин Чжин Ли
ДОРОГА
В ТЫСЯЧУ
ЛИ

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2018

УДК 821.111
ББК 84(7)
Л55

Min Jin Lee
РАСКИНКО

Перевела с английского
Ольга Чумичева

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Издательство выражает благодарность литературному агентству Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Ли М. Чж.

Л55 Дорога в тысячу ли : [роман] / Мин Чжин Ли; [пер. с англ. О. Чумичевой] — СПб. : Аркадия, 2018. — 528 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-52-8

1930-е годы. Дочь бедной вдовы, юная кореянка Сонджа счастлива — она любима и ждет ребенка. Правда, когда выясняется, что ее избранник женат и готов взять девушку лишь в содержанки, Сонджа от отчаяния принимает предложение молодого пастора и уезжает с ним в Японию. Она надеется на лучшее, но готова ко всему... Так начинается сага о нескольких поколениях эмигрантов — рассказ о чести, национальном достоинстве и о том, чем человек готов пожертвовать ради семьи.

Роман, написанный американкой корейского происхождения Мин Чжин Ли, сразу же приобрел популярность и попал в список десяти лучших книг 2017 года по версии журнала *The New York Times*.

УДК 821.111
ББК 84(7)

© Min Jin Lee, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ISBN 978-5-906986-52-8

ООО «Издательство Аркадия», 2018

Кристоферу и Сэму

КНИГА I.
1910–1933 ГОДЫ

*Дом — это слово очень сильное;
сильнее, чем заговор волшебника
или отзывающийся на него дух,
в нем заключается сильнейшее
колдовство.*

Чарльз Диккенс

1

Йондогу, Пусан, Корея

*История превратила нас
в ничто, но это не важно.*

На исходе столетия стареющий рыбак и его жена ради дополнительного заработка решили принять жильцов. Оба они родились в рыбацкой деревне Йондо — на островке в пять миль шириной, рядом с портовым городом Пусан. За долгие годы брака у них родилось трое сыновей, но только Хуни, самый старший и слабый, выжил. Хуни от рождения имел волчью пасть и вывих ноги, однако плечи у него были крепкие, сложение плотное, а цвет лица золотистый. Даже повзрослев, он сохранил мягкий задумчивый нрав, которым отличался в детстве. Когда Хуни прикрывал руками безобразный рот, а он всегда поступал так, завидев незнакомцев, он походил на своего пригожего отца большими улыбчивыми глазами. Черные брови изящно оттеняли широкий лоб, загоревший во время работы. Как и родители, Хуни разговаривал

мало, и некоторые ошибочно полагали, что редкая и неспешная речь его — следствие слабого ума, однако это было не так.

В 1910 году, когда Хуни исполнилось двадцать семь лет, Япония аннексировала Корею. Так как плата за дом в очередной раз выросла, супруги переместились из спальни в прихожую рядом с кухней и пригласили постояльцев. Деревянный дом, который они арендовали более трех десятилетий, был небольшим, всего лишь пятьсот квадратных футов. Раздвижные двери из бумаги разделяли его на три уютные комнаты, и рыбак своими руками заменил протекающую травяную крышу красноватой глиняной черепицей, не получив вознаграждения от хозяина, проживавшего в великолепном особняке в Пусане. В конце концов кухня была вынесена в огород, где хватало места для больших горшков и растущего количества переносных обеденных столов, которые между трапезами висели на колышках вдоль осыпающейся каменной стены.

По настоянию отца Хуни научился читать и писать по-корейски и по-японски у деревенского учителя, его навыков хватало, чтобы вести учет в хозяйстве и считать в уме, так что его не могли обмануть на рынке. Как только он этому научился, родители забрали его из школы. Хуни уже стал подростком и работал почти так же хорошо, как крепкий взрослый мужчина со здоровыми ногами; руки у него были ловкие, он мог переносить тяжелые грузы, но не умел бегать или быстро ходить. И Хуни, и его отец прославились в деревне и тем, что никогда не брались за чашу вина. Рыбак и его жена вырастили единственного выжившего сына-инвалида умным и прилежным, потому что не знали, кто станет заботиться о нем после их смерти.

Если бы супруги могли обладать одним сердцем, именно Хуни стал бы этим энергичным и надежным

органом. Они потеряли других сыновей: младшего из-за кори, а среднего — в случайной аварии, когда перевернулась повозка с запряженным в нее быком. За исключением школы и рынка, стареющие родители старались не отпускать Хуни из дома и любили достаточно сильно, чтобы не баловать. Крестьяне знали, что изнеженный сын причиняет семье больше вреда, чем мертвый.

Другим семьям не так повезло, редко где были два таких разумных родителя, и, как это случается в краях, разграбленных врагами или искалеченных природой, слабые — пожилые люди, вдовы и сироты — пребывали в отчаянном положении, как повсюду на колонизированном полуострове. На каждое самостоятельное хозяйство приходилось множество людей, готовых работать целый день за миску ячменя или риса.

Весной 1911 года, через две недели после того, как Хуни исполнилось двадцать восемь лет, краснощекая сваха из города пришла к его матери. Мать Хуни пригласила сваху на кухню; они старались говорить потише, так как жильцы спали в передних комнатах. Время было не раннее, и постояльцы, которые ловили рыбу ночь напролет, уже поели, вымылись и легли отдыхать. Мать Хуни налила свахе чашку холодного ячменного чая, но не бросила ради нее свою обычную работу.

Естественно, мать догадалась, чего хотела сваха, но не знала, что ей ответить. Хуни никогда не просил родителей найти ему невесту. Немыслимо, чтобы достойная семья позволила своей дочери выйти замуж за человека с такими уродствами, ведь они могли перейти и к детям. Мать никогда не видела, чтобы ее сын разговаривал с девушкой; а большинство деревенских девочек избегали его взгляда, так что